

Вглядываясь в образ...

Самый северный город Италии – Регенсбург. Венеция севера – Санкт-Петербург. Где же проходит итальянская граница? Или она зависит от того, с какой перспективы на неё смотреть, или от самого наблюдателя? Следовательно, всегда можно увидеть в чужом своё, а в своём чужое. Но всё ли зависит от восприятия?

Регенсбург называют самым северным городом Италии в связи с исторической ролью, которую он когда-то играл, а так же с высказыванием Гёте об этом городе на Дунае, сделанное им во время Итальянского путешествия. Санкт-Петербург называют северной Венецией, по всей видимости, благодаря структуре его улиц и европейскому влиянию, которое отразилось на городе, построенном Петром Великим. Эти вполне логические суждения без труда можно проследить, что впрочем, не решает вопроса, какой же из городов имеет больше права называться итальянским. А имеет ли это какое-то значение?

Вопрос идентичности играет в современном мире немаловажную роль. Не прекращаются попытки разложить по полочкам события, предметы, людей, чтобы лучше понять их и овладеть ими. Об этом немало может рассказать тот, кто разрывается между двумя традициями, между двумя культурами, двумя странами. Русская в Германии и немка в России я уже в самом раннем детстве столкнулась с дихотомией, которая вряд ли способна помочь маленькому ребёнку в поисках своей идентичности. Переезд в Германию, страну моих предков по материнской линии, повлёк за собой много новых проблем в юности и усложнил мои личностные поиски. Я выросла в семье, в которой бабушка и бабушка по одной линии говорили на немецком языке, а по другой – на русском; из-за чего я с самого рождения как бы металась между двух полюсов. В Германии я мгновенно стала перенимать всё немецкое. Я очень быстро овладела языком страны – ребёнку легче научиться, чем взрослому – и изъяснялась преимущественно на немецком. Я вошла в немецкое общество, несмотря на царящие в стране проблемы с ассимиляцией иностранцев. Мои друзья были немцами, я говорила на немецком языке, читала немецкие книги, я делала всё, лишь бы стать своей на чужбине. Но потом настало пробуждение, возвращение к своим корням, которое главным образом

произошло благодаря литературе, и выразилось в том, что я сдала коллоквиум¹ по русскому языку и поступила в университет, в котором продолжила изучение русской филологии. И снова встал вопрос: кто же я? С учёбой в университете мои интересы устремились на Восток, и во мне снова возник разлад, которому я несколько лет благополучно противостояла. И по сей день я стою между культурами и языками, но примирённая с дихотомией. Это подарок, данный не многим. Моё детство прошло в двух мирах, Восточный и Западный, во время и после холодной войны. Я прекрасно владею двумя языками, а это не так просто, как может показаться на первый взгляд, ведь каждый из этих языков – мой родной. Даже если мне приходится воздерживаться в употреблении одного из языков, я знаю, что всегда смогу снова обрести его – это привилегия тех, кто обладает двумя родными языками. Мне знакомы и понятны две культуры. Даже если я подолгу не бываю в русскоговорящей среде, что, несомненно, приводит к некоторому отчуждению от русской культуры, стоит мне подольше пожить на родной земле, и я снова чувствую себя дома.

Дихотомия – это подарок не без коварства. Те трудности, которые сопровождали меня в начальных поисках своей идентичности, стали для меня привычными, они беспокоят других, но не меня. Люди всегда пытаются классифицировать других людей и подвести их под общепринятые мерки. Конечно же, проще наклеить на человека ярлык и при встрече с ним держаться той модели поведения, которую обычно применяют в отношении этого стереотипа. Так поступают люди, по крайней мере, очень многие, и подобное стереотипное мышление приносит немало трудностей в случае моей «двойной» идентичности, но я не хотела бы обобщать. Так же как избегал подобных обобщений Гоголь, полагая, что всегда найдётся как минимум один человек, который станет утверждать обратное². Но, прежде всего потому, что я не хочу быть рассматриваемой *in summa*; как личность, которую воспитал Запад, я бы не хотела быть стриженной под одну гребёнку с теми людьми, которые здесь живут, но не здесь родились. В Германии ещё не выкристаллизовался ясный и чётко дифференцированный коллектив русских немцев или немцев из России, хотя в отдельных городах он уже имеется. Но

---

¹ Коллоквиум – устный экзамен в рамках абитура. Абитур – экзамены на аттестат зрелости, после сдачи которых абитуриент имеет право учиться в высших учебных заведениях Германии. (Прим. пер.)

² Gogol', Nikolaj V.: *Petersburger Skizzen 1836*. In: Ders. *Sämmtliche Werke in 8 Bänden*. Bd. 6: *Arabesken, Prosaschriften, Rom*. Hrsg. von Otto Buek. München. 1912. S. 427-451. (Прим. автора)

даже к ним я не чувствую себя принадлежащей, потому как они придают слишком большое значение своим корням и тем самым в значительной степени игнорируют окружающую их действительность. Значит, даже моя раздвоенность разделена на две части? Впрочем, мне это уже не важно. Это важно скорее другим, но не мне. Хотя взгляды других – это по-прежнему мой ад, как выразился Сартр. Но я стараюсь верить в другое. В то, что Лакан вывел в своём исследовании «Стадии зеркала», а именно, что каждый человек должен сам видеть и творить свой мир. Это значит, жить независимо от воззрений и суждений других людей, но, как я уже говорила, посторонний взгляд остаётся «моим адом».

Россия – моя мать, из лона которой я вышла. Германия – дядя, приютивший меня после распада Советского Союза. Мир – мой отец, в доме которого всегда есть для меня место. Вот мой эскиз картины, сделанный по примеру Гоголя. Он описывает образ России, в котором Москва представлена как матушка-хозяйка, потому что Москва нужна своей стране, потому что этот город отображает истинную суть России. И мне нужен этот образ России, в котором отражена моя Родина, всегда готовая встретить меня пирогами и сладким чёрным чаем. Мой образ Германии воплощает в себе высокий представительный дядя, который даёт мне доступ к иному будущему, так же как у Гоголя Санкт-Петербург – молодой сын Москвы. Если додумывать этот семейный портрет до конца, то Гоголь мог бы изобразить Россию отцом, под крышей которого живут мать и сын, Москва и Петербург. Можно эту семейственную картину дорисовать, ведь дед тоже есть: ставший столь знаменитым на Западе Батюшка Мороз, благодаря которому многие завоеватели, рискнувшие напасть на Россию, потерпели поражение – собственно, это тот же Дед Мороз. Образ России, как гоголевская Москва, заставляет мою душу широко развернуться, а образ Германии, согласно описанию русского (или украинского?) писателя града Петрова, – подняться в высоту. Впрочем, с этим тоже можно поспорить, хотя бы потому, что немецкое тёмное пиво и свиное жаркое скорее раздадут меня вширь, а Россия с её литературой Пушкина и Достоевского возвышает. Да разве можно разделить сердце и рассудок в одном существе? Не сливаются ли они в одно сущее, которое составляет бытие? Так моё виденье мира находится под влиянием дихотомии, которая становится видна с изменением угла зрения и которая

предлагает больше обзорных возможностей, чем трёхмерные изображения, потому что моя картина мира жива и постоянно меняется; я не холст, на котором можно написать лишь одну картину. Мой холст – это то, что отражает и отображает мои знания и опыт, которых в течение жизни может быть больше или меньше, – только перемены постоянны. Так же как смена дня и ночи, отливы и приливы, и изменения мира остаются неизменными.

Так я непрестанно ищу в чужом своё и в своём чужое. И лишь совокупность обоих образует единство. Одно не может существовать без другого. И так как я живу в Регенсбурге, и никогда не была ни в Венеции, ни в Санкт-Петербурге, то именно здесь я создаю свою Италию, свою Германию и свою Россию. При желании, я брожу по улицам Регенсбурга, прислушиваясь к итальянскому языку, который доносится до меня из многочисленных пиццерий и итальянских кафе, и чувствую себя перенесённой в страну Данте. А если заверну в традиционный немецкий ресторан, то снова нахожу себя в Баварии, в Германии. И есть немало способов, с помощью которых я могу перенестись в Россию: когда слушаю лекции по литературоведению профессора-слависта, разговоры в автобусе или маму по телефону. Чему быть очевидным, а чему оставаться потаённым, решает каждый своим взглядом (или слухом).

Регенсбург, 11 декабря 2006 г.

Олеся Бедюх (Helene-Olesja Betuch)

Перевод: Нюрнберг, 14 сентября 2010г., Галина Госсен.